

В горах так не принято: множественность нормативных систем в Северной Осетии

Полина М. Осипова*

<https://orcid.org/0009-0004-9148-422X>

Владимир Д. Чураков*

<https://orcid.org/0000-0002-1351-1083>

Сергей В. Виноградов*

<https://orcid.org/0000-0001-8621-3637>

Олег Д. Пырсииков*

215

* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Рекомендация для цитирования:
Осипова П. М., Чураков В. Д.,
Виноградов С. В., Пырсииков О. Д.
(2025) В горах так не принято:
множественность нормативных
систем в Северной Осетии.
Социология власти, 37 (4): 215-248
EDN: YNBXY

For citation:
Osipova P.M., Churakov V.D., Vinogradov
S.V., Pyrsikov O.D. (2025) This Is
Not Allowed in the Mountains: The
Multiplicity of Normative Systems in
North Ossetia. *Sociology of Power*, 37 (4):
215-248

Поступила в редакцию: 01.03.2025;
прошла рецензирование: 07.05.2025;
принята в печать: 22.09.2025
Received: 01.03.2025; Revised:
07.05.2025; Accepted: 22.09.2025

© Authors, 2025
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Цель исследования — уточнение особенностей и характеристика взаимодействия нормативных систем Брайана Таманаха с целью использования этой модели для более детального анализа пересечения социальных порядков. В ходе исследования используются интервью, собранные во время двух экспедиций в Северную Осетию в августе 2023 и октябре 2024 года. На основе результатов кодирования интервью были выявлены элементы и схемы взаимодействия нормативных систем. Эти системы включают такие элементы, как декларируемые нормы, их источники, институты реализации норм, отношение к ним и порядок их реализации на практике. Многие элементы встречаются в нескольких системах одновременно и взаимно пересекаются, что создает сложную сеть нормативных систем. Границы между нормативными системами могут быть строгими и нестрогими. В первом случае есть ясное понимание, что в определенной ситуации применяется конкретная нормативная система и никакая другая. При

нестрогих границах возможно обращение к двум или более нормативным системам. Однако даже строгие границы между нормативными системами динамичны и могут меняться со временем и в зависимости от субъекта их применения. В местах пересечений или строгих границ между нормативными системами возможны различные формы их взаимодействия. Институты реализации норм одной системы могут исполнять нормы другой, даже если эти нормы находятся в противоречии (например, помощь администрации города в ремонте крыши самовольной постройки). Или, напротив, институты разных нормативных систем могут соперничать за право реализовывать свои собственные нормы (учреждения судмедэкспертизы и родственники покойного мусульманина).

Ключевые слова: правовой плюрализм, полиюридизм, нормативные системы, Северный Кавказ, Северная Осетия

This Is Not Allowed in the Mountains: The Multiplicity of Normative Systems in North Ossetia

Polina M. Osipova*

<https://orcid.org/0009-0004-9148-422X>

Vladimir D. Churakov*

<https://orcid.org/0000-0002-1351-1083>

Sergey V. Vinogradov*

<https://orcid.org/0000-0001-8621-3637>

Oleg D. Pyrsikov*

* National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract: The purpose of the study is to identify the elements and characteristics of the interaction of Brian Tamanaha's normative systems for a more detailed analysis of the intersection of social orders. The research uses interviews collected during two expeditions to North Ossetia. Based on the results of coding interviews collected by the authors in August 2023 and October 2024, the authors identified elements and patterns of interaction between normative systems. These systems include elements such as the declared norms, their sources, institutions for the implementation of norms, attitudes towards them, and the procedure for their implementation in practice. Many elements occur in several systems at the same time, intersect with each other, creating a complex network of regulatory systems. The boundaries between regulatory systems can be strict and lax. In the first case, there is a clear understanding that a specific normative system is applied in a certain situation and no other. If the boundaries are not strict, it is possible to refer to two or more regulatory systems. Even strict boundaries between regulatory systems are dynamic and can change over time and depending on the subject of their application. In places where regulatory systems intersect or have

strict boundaries, various forms of their interaction are possible. The institution of implementing the norms of one system can comply with the norms of another, even if these norms are in conflict. Or, on the contrary, institutions of different regulatory systems may compete for the right to implement their own norms.

Keywords: legal pluralism, normative systems, North Caucasus, North Ossetia

Введение

Северная Осетия — регион Северного Кавказа, характеризующийся сложным переплетением нормативных систем, регулирующих поведение местных жителей. Традиции, глубоко укоренившиеся в социальной жизни республики, иногда не соответствуют правилам поведения, принятым в других регионах России, а также нормам официального позитивного права. Национальная и религиозная гетерогенность населения республики делает сосуществование различных систем социальных норм максимально наглядным: в жизни современного Владикавказа можно обнаружить черты традиционных форм взаимодействия, черты урбанизированного регионального центра и соседских сообществ высокой солидарности, а также места сосуществования (зачастую синкретического) множества этнических и религиозных культур, наряду с точками локализации институтов федеральной власти в национальной республике. Поэтому мы считаем этот регион подходящим для проведения эмпирических исследований феномена плюрализма разных нормативных порядков, моделей их сосуществования, стратегий разрешения конфликтов и т.д.

217

Хотя феномен сосуществования множества различных нормативных систем в одном социальном пространстве можно обнаружить с самых древних времен (Таманаша 2021, pp. 19–54), теоретические концепции правового плюрализма начали формироваться только в 60-х гг. XX века. В первую очередь популярность плюралистичных концепций была связана с тем, что она предлагала альтернативу господствовавшему «юридическому централизму» (Griffiths 1986) — то есть тенденции сводить право к единственной официальной системе норм, исходящих от государства. Такая система с небольшими ограничениями должна обладать свойствами унифицированности, иерархичности, всеобъемлемости, монополистичности и верховенства (Таманаша 2024, pp. 895–896). Однако юридический позитивизм оказался не способен всецело охватить наблюдаемые в обществе реальные взаимодействия граждан, их коммуникацию между собой и с государством. Во многих случаях модель поведения, предусмотренная государственным правом, не является до-

минирующей и рассматривается лишь как один из вариантов действий, к которым можно прибегнуть для обеспечения соглашений или разрешения конфликта.

Целью исследования является уточнение элементов и соотношения нормативных систем, предложенных Брайаном Таманаха, с целью использования этой модели для детального анализа пересечения социальных порядков на основе интервью, собранных во время двух экспедиций в г. Владикавказ, г. Беслан и ряд осетинских сел (Ногир, Михайловское, Фарн, Нар). Проведенные эмпирические исследования правового плюрализма в Республике Северная Осетия продемонстрировали как необходимость конкретизации указанной концепции Брайана Таманаха, так и широкий потенциал для ее развития и использования в последующих исследованиях. В ряде случаев четкое разграничение нормативных систем может отсутствовать, в результате чего люди склонны обращаться одновременно или последовательно к разным системам в целях достижения нужного результата.

Нужно отметить, что эмпирические исследования правового плюрализма на Северном Кавказе в целом слабо представлены в научной литературе.

218

В связи с этим полученные данные во время наших экспедиций в Северную Осетию позволяют по-новому оценить взаимодействие выделенных Б. Таманаха нормативных систем и предложить ряд уточнений к теории правового плюрализма, которые необходимы для более четкого определения концептуальной теоретической рамки, подходящей для использования в последующих исследованиях правового плюрализма на Северном Кавказе.

На основании анализа интервью охарактеризовано взаимодействие нормативных систем и выделены дополнительные элементы внутри них (декларируемые нормы, их источники, институты реализации норм, отношение к ним и порядок их реализации).

В первой части статьи представлен исторический обзор теоретических подходов к определению правового плюрализма, выявляются философско-правовые основания разногласий по этому вопросу, а также обосновывается обращение к концепции Б. Таманаха как стратегия уклонения от философско-правовой проблематики в эмпирических социолого-правовых исследованиях правового плюрализма. Во второй части представлен обзор эмпирических исследований правового плюрализма на Северном Кавказе. Третья часть содержит описание методологии и данных проведенного исследования. В заключительном разделе анализируются полученные эмпирические данные и обосновывается необходимость конкретизации концепции плюрализма нормативных систем Б. Таманаха как эмпирически продуктивной теоретической основы для последующих исследований.

Понятие правового плюрализма

Доминирующий в юридических работах взгляд на право можно охарактеризовать как правовой монизм или централизм. Право обычно рассматривается как система норм, создаваемых или признаваемых государством и подкрепляемых силой государственного принуждения. Эта непреложная догма усваивается юристами если не в рамках школьного курса обществознания, то на первом курсе университета, формируя их базовый концептуальный аппарат и оптику взгляда на социальные отношения.

В недавней статье Брайан Таманаха лаконично охарактеризовал центральные черты, определяющие монистический взгляд в юриспруденции (Таманаха 2024, pp. 895–896), — государственное право рассматривается как:

1. *Унифицированное* — правовая система государства воспринимается как единое целое;
2. *Иерархичное* — в рамках этой единой системы существует строгая иерархия;
3. *Ссеобъемлющее* — правовая система охватывает все общество, претендует на урегулирование любых отношений;
4. *Монополистичное* — государственное право является единственной формой права в обществе;
5. *Обладающее верховенством* — в случае коллизии сила государственных законов всегда выше любых других нормативных систем.

219

Вместе с тем такое общее теоретическое описание, широко разделяемое юристами, плохо работает в качестве полевой исследовательской оптики: перечисленные характеристики государственного права являются скорее не фактическим описанием существующих социальных отношений, а их идеализированным образом, транслируемым самим государством. Ситуации, когда право систематически проигрывает другим нормативным системам в борьбе за упорядочение общественных отношений, либо игнорируются юристами, либо расцениваются как проявления «правового нигилизма» и свидетельства «низкой правовой культуры». Джон Гриффитс называл идеологическим представлением, что «закон есть и должен быть законом государства, единым для всех лиц, исключающим все другие законы» — монистический взгляд на право является мифом, идеалом, претензией и иллюзией, которые отражают лишь «моральные и политические притязания современного национального государства» (Griffiths 1986, pp. 3–4). Строго говоря, эта идеология может даже не являться определяющей для реального правоприменения — на принятие официальных решений не меньшее влияние могут оказывать нормы и ценности, не санкционированные госу-

дарством, а характеризующие «низовой» взгляд на право местных государственных служащих (Merry 1986; Chua, Engel 2019).

Хотя критику правового монизма можно обнаружить еще в работах юристов начала XX века (например, в концепции «живого права» австрийского правоведа Ойгена Эрлиха (Эрлих 2024) или в институциональной теории права итальянского юриста Санти Романо (Romano 2018)), термин «правовой плюрализм» становится общепринятым в академической литературе в 1960-е годы (Tamanaha 2021, p. 1). Появляются академические исследования плюрализма в правовых порядках прошлого (van den Bergh 1969), при колониальных режимах и в постколониальных обществах (Bentsi-Enchill 1969; Hooker 1975). Эти работы посвящены плюрализму как фактическому положению дел — вопросам рецепции обычного права и признанию государством юрисдикции местных судов над отдельными группами лиц в случае их споров между собой, но что еще важнее — они выполнены, выражаясь словами Дж. Гриффитса, «под знаком унификации» и отражают понимание правового плюрализма в «слабом» смысле — как наличия разных систем норм для разных групп населения (Griffiths 1986, pp. 5, 8). Как право определяются только те институты и нормы, которые или напрямую создаются государством, или признаются им.

Появление юридических исследований по теме во многом было связано с ростом внимания к феномену правового плюрализма в антропологических исследованиях по теме, проводимых в рамках подхода, сформулированного еще в 1926 году Брониславом Малиновским в работе о праве у племен тробрианцев (Малиновский 2015). Работы Б. Малиновского, М. Глакмана (Gluckman 1967) и Э. Хобеля (Hoebel 1954) популяризировали подход, согласно которому право не является уникальным продуктом современных государств, тем самым подготовив почву для изучения современных правовых обычаев и институтов, существующих параллельно с государственным правом.

В 1960-х годах выходят знаковые работы М. Смита (Smith 1966) и Л. Поспишила (Pospisil 1967), исследующие множественность правовых систем в одном обществе. В центре анализа оказываются не только крупные политические образования, но и небольшие организованные социальные поля, продуцирующие собственные обычаи и правила, создающие средства принуждения к их соблюдению¹. Тем не менее Поспишил в монистическом ключе характеризу-

1 М. Смит приравнивает по публичности и корпоративности: Соединенные Штаты, город Санта-Моника, Римско-католическую церковь, племена бушменов, доминирующую касту в индийской деревне, славянскую

ет правовые системы в обществе как иерархию «правовых уровней», привязываемых к социальным группам, а Смит считает социальной основой для правовых систем не иерархичные, но структурно гомологичные корпорации. Все это вызывает затруднения в случае анализа современных «сложных» обществ, предполагающих, по выражению М. Галантера, наличие «множества ассоциаций и сетей, пересекающихся и проникающих друг в друга, более раздробленных и менее сплоченных» (Галантер 2014, с. 411).

Серьезным прорывом в поиске эвристически продуктивной оптики для исследования правового плюрализма становится статья Салли Фальк Мур (Moore 1973). Она выявляет недостаток концептуального языка Поспишила и Смита — стремление «привязать» локус негосударственного нормотворчества к конкретным «правовым уровням» социального порядка или отдельным корпорациям. Вместо этого она предлагает сфокусироваться на процессуальном аспекте — полуавтономности, т.е. способности генерировать правила, обычаи и символы, притом что они остаются уязвимыми для внешних правил, решений и иных сил более широкого социального окружения (Ibid., p. 720). Социальные поля, обладающие свойством полуавтономности, не обязательно являются корпоративной группой — полуавтономным полем может быть и «арена, на которой несколько корпоративных групп взаимодействуют друг с другом» (Ibid., p. 722). Полуавтономные социальные поля могут пересекаться, накладываться и менять свою взаимную конфигурацию — главное внимание следует уделить не их месту в структуре общества, а самой их способности спонтанно генерировать правила и принуждать к конформизму, оставаясь при этом проницаемыми для государственного нормативного вмешательства. Непредвиденные последствия подобного вмешательства во многом и составляют научный интерес С. Ф. Мур — статья демонстрирует провалы целенаправленной «социальной инженерии государства» при столкновении с полуавтономными полями (Ibid., p. 743).

На базе материалов, собранных в полевых исследованиях среди племен джагга (окрестности Килиманджаро, Танзания) в 1968 и 1969 годах, Мур анализирует последствия государственного регулирования полуавтономных социальных полей (прежде всего, связанных с родовыми и соседскими отношениями). Попытки правительства Танзании законодательным путем провести социальные реформы

деревенскую общину, университеты, средневековые гильдии, хартерные компании и многие другие структуры — все они «обеспечивают рамки, в которых определяются и реализуются юридические аспекты социальных отношений» (Smith 1966, pp. 116, 119).

продемонстрировали, что «соседско-родовой комплекс» (lineage-neighborhood complex) имеет более эффективный контроль над своими членами, чем государство и его законы (Ibid., p. 744). Законодательная отмена частной собственности на землю, создание системы «ячеек десяти домов» (ten-house cells) и упразднение института вожества в равной степени наткнулись на тенденцию полуавтономного поля бороться с внешним вмешательством посредством игнорирования норм государственного права или их расширительного толкования на местах (Ibid., pp. 729–742). Созданные государством юридические права и обязанности оказались лишь еще одним (далеко не определяющим) ресурсом в сложившейся среди соседей и родственников системе распределения власти, привилегий и покровительства.

Отдельным достоинством концептуального языка С. Ф. Мур является его универсальная применимость к самым разнообразным отношениям. В этой же статье, помимо соседско-родового комплекса племен джагга, она рассматривает в качестве полуавтономного социального поля элитный сегмент швейной индустрии в Нью-Йорке (Ibid., pp. 723–729). Существование нормативных порядков характерно не только для постколониальных сообществ, но и для обыденной городской жизни в самом центре диктующего свой суверенный порядок государства. Бригадир швейного цеха, агент профсоюза и менеджер шоурума в Нью-Йорке обходятся с нормами государственного права так же, как балози (лидеры ячейки), бывшие вожди и главы семей в окрестностях Килиманджаро, — обходят формальные запреты и игнорируют законы, принуждают к исполнению «внеправовых» договоренностей и применяют «внеправовые» санкции, чаще обращаются к юридическим правам как к ресурсу для шантажа в личных переговорах, чем как к объекту судебной защиты.

Другой важной вехой в развитии исследований правового плюрализма, отразившей смещение научного интереса от изучения правовой периферии (т.е. обычного права бывших колоний и развивающихся стран) к анализу правовых систем развитых государств, стал выход в 1981 году работы Марка Галантера, посвященной правосудию в США (Галантер 2014). Галантер предложил отказаться от парадигмы правового централизма, характеризующей разрешение споров как центристское движение — стремление получить «доступ к правосудию» посредством выноса разбирательства за пределы изначальной социальной среды конфликта и передачи его в руки авторитетных государственных органов. Более адекватной ему кажется центробежная модель, согласно которой урегулирование конфликтов осуществляется «в тени закона» — путем переговоров сторон внутри социальной среды, где случился кон-

фликт (Там же, с. 392–393). Государственные суды в центробежной модели выступают скорее в роли распределителя «переговорных фондов» — обеспечиваемые государственным принуждением юридические права и процессуальные действия используются сторонами как переговорные «козыри», но само судебное разбирательство если и запускается, то обычно не доводится до конца в силу дороговизны и неэффективности (Там же, с. 397). Процесс урегулирования конфликтов на «внутреннем форуме» (в семье, корпорации, коммерческой сети) Галантер описывает как «локальное правосудие» (*indigenous ordering*) с применением «неписаного закона» (*indigenous law*) — местных социальных норм (Там же, с. 406–407). Процветание «неписаных законов» в США Галантер иллюстрирует ссылкой на обширный перечень литературы, посвященной различным полуавтономным социальным полям (от религиозных и этнических общин до спортивных коллективов и коммерческих рынков) (Там же, с. 410).

С популяризацией понятия «правовой плюрализм» после выхода в 1998 году обзорной работы Салли Энгл Мерри (Merri 1988) происходит масштабная экспансия этого языка описания в различные области исследований (Tamanaha 2021, pp. 1–2). Этот процесс не мог обойтись без концептуальных сложностей — с самого начала в среде исследователей правового плюрализма разгорелся серьезный теоретический спор относительно границы правового и неправового в области социального контроля. Если право создается не только государством, но может также «самозарождаться» в полуавтономных социальных полях, то где проходит его граница с неправовыми социальными нормами? Можно ли говорить о правилах застолья или неформальных требованиях к одежде как о «неписаном законе», сложившемся в полуавтономном поле осетинской национальной культуры? Является ли это адекватным языком описания или скорее путает исследователей? Любой ли обычай соразмерен в своем правовом характере государственным законам?

Салли Фальк Мур в своей оценке крайне осторожна — в статье о полуавтономных социальных полях она специально оговаривается, что они порождают социальные нормы, и избегает слова «право», резервируя его лишь для государственных законов (Moore 1973, p. 727). Джон Гриффитс, во всем остальном высоко оценивающий идеи Мур, эту позицию счел проявлением правового централизма, так как у Мур граница правового привязывается к государственному признанию (Griffiths 1986, p. 37). В своей статье-манифесте он провозглашает необходимость «сильного» понимания правового плюрализма — как социального факта, не зависящего от государственного признания и отражающего множественность реальных нормативных систем, являющихся источниками «права» в социальном порядке (Griffiths

1986, pp. 38–39). Этот подход станет доминирующим в исследованиях по правовому плюрализму, но окажется слишком широким в своем определении «права» — Мур констатирует, что правовой плюрализм как понятие стал собранием «всякой всячины» (*omnium gatherum*), объединяющим исследования неформальных договорных обязательств в небольших сообществах фермеров с глобальным торговым регулированием процесса производства кукол Барби (Моогс 2014). Столь широкое понимание «правового» ведет лишь к концептуальной неразберихе. После критики в чрезмерной инклюзивности Гриффитс и сам отказался от своего изначального проекта правового плюрализма в его радикальной версии (Griffiths 2006).

Строго говоря, набиравшая с 1970-х годов обороты дискуссия о правовом плюрализме в самых существенных своих вопросах натолкнулась на проблемы, составляющие центральный разлом юридического дискурса на протяжении тысячелетий и особую остроту приобретшие в XX веке — в эпоху тоталитаризма, мировых войн, кратного разрастания государственных полномочий в социальной сфере и государственного вмешательства в экономические процессы. Спор о правовом плюрализме уперся в более общий спор о природе права.

Сам по себе факт сосуществования множества нормативных систем (систем, подчиняющих действия людей своим правилам, устанавливающих фокальные точки для взаимных ожиданий, институционализирующих пути разрешения конфликтов, создающих форумы для восстановления справедливости и механизмы принуждения к соблюдению решений), кажется, не оспаривается даже самыми радикальными легистами, правовыми монистами, централистами и прочими апологетами государства от мира юриспруденции. Сложно отрицать факт массового строительства во дворах Владикавказа хадзаров¹, не всегда соответствующих нормам земельного права РФ, однако с равным успехом можно представить себе как исследование, оценивающее это явление с позиций монистической юридической теории (как проявление правового нигилизма и свидетельство низкой правовой культуры), так и статью, характеризующую его в духе «сильного» правового плюрализма (как способ низовой самоорганизации и создание локального форума для решения конфликтов). Спор заключается в нормативной оценке социальных фактов и в ответе на вытекающие из них политико-

1 Хадзары — постройки во дворах многоэтажных домов Владикавказа, выполняющие функции отправления коллективных ритуалов, проведения застолий и являющиеся важным элементом социальной инфраструктуры для соседей (Штырков 2022).

философские вопросы. Какова природа власти и как она связана с легитимностью? В чем заключается роль обладающих этой властью лиц и институтов в установлении нормативного порядка и где проходят границы подобного регулирования? Каково пространство свободы и саморегуляции и что предполагает ценностный идеал верховенства права?

Все это — вопросы нормативной философии, а не дескриптивной социологии, но так вышло, что категории, которыми активно оперирует последняя, оказываются ценностно нагружены и несвободны от идеологической оценки фактов. Право — это, по выражению В. А. Четвернина, «положительная коннотация, используемая для легитимации социального порядка, институтов, законов, привязаний и полномочий» (Четвернин 2020, с. 4, 10). Академическая позиция главного современного сторонника правового плюрализма Б. Таманаха — «принимать в качестве “правового” все, что идентифицируется как “правовое” социальными акторами» (Таманаха 2014, с. 167) — это в определенном смысле нормативная позиция, требование демократизировать процессы наделения социальной реальности положительными коннотациями.

Но в то же время подход Таманаха — это попытка избежать концептуальных проблем философии права в дескриптивных социологических исследованиях правового плюрализма как сферы пересечения, наложения и конфликта разных нормативных систем. Преследуя эту цель, в своей знаковой статье 2007 года Б. Таманаха предложил модель для описания и анализа социальной реальности, разграничивающую шесть систем нормативного регулирования, активно обсуждаемых в литературе о правовом плюрализме: 1) официальные правовые системы; 2) обычные/культурные нормативные системы; 3) религиозные/культурные нормативные системы; 4) экономические/капиталистические нормативные системы; 5) функциональные нормативные системы; 6) общественные/культурные нормативные системы (Там же, с. 168–182).

Представляется, что обращение к данной концептуальной схеме может быть эмпирически продуктивно для анализа правового плюрализма как феномена социальной жизни. Уточнение моделей сосуществования разных нормативных систем, выявление условий возникновения конфликтов между ними и стратегий их разрешения, описание механизмов восприятия и использования данных систем отдельными людьми — все это перспективные направления для последующих исследований, которые позволят не только лучше понять специфику правового регулирования в регионах с высокой этнической и религиозной гетерогенностью, но и сделать социальную теорию более чувствительной к феномену правового плюрализма.

Между тем общая теоретическая рамка, предложенная Таманаха, требует конкретизации, как минимум в отношении отдельных проявлений правового плюрализма в определенных сообществах (в том числе регионах). В настоящей статье предлагается уточнение модели Б. Таманаха на основе эмпирического исследования, проведенного авторами в Республике Северная Осетия — Алания в 2023–2024 гг. Анализ данного материала позволяет проблематизировать отдельные аспекты сосуществования нескольких нормативных систем в общем социальном пространстве, наметив ряд исследовательских проблем, которые могут быть положены в основание последующих социолого-правовых исследований Северного Кавказа.

Краткий обзор эмпирических исследований правового плюрализма на Северном Кавказе

226

По замечанию Константина Казенина, правовой плюрализм на Северном Кавказе изучается преимущественно историками. В фокусе их исследовательского внимания — вопрос, какие исторические причины способствовали появлению и сосуществованию нескольких правовых систем (Казенин 2014, с. 184). Ряд этнографических исследований подробно описывает системы разрешения споров на современном Северном Кавказе (Казенин 2017, с. 244–246).

К. Казенин показал потенциал применения современной институциональной теории в изучении правового плюрализма (Казенин 2014). Примером стал анализ взаимодействия институциональных регуляторов в земельной реституции в одном из сельских поселений Дагестана. В отношении земель отсутствовали силовые способы обеспечения неформальных норм. Действие неформальных механизмов объяснялось заинтересованностью жителей в их существовании (Там же, с. 186–193).

В другом исследовании на материалах 120 интервью и фокус-групп были показаны особенности конфликтов на примере Махачкалы как столицы Дагестана и Карачаевска как райцентра Карачаево-Черкесии (Стародубровская, Казенин 2014). Как отмечают исследователи, среди причин повышенного числа конфликтов — культурная дифференциация и межпоколенческий разлом. Процессы модернизации увеличивают количество столкновений. К примеру, часть городской молодежи становится более религиозной, что приводит к конфликтам со старшим поколением (Там же, с. 79–82).

Евгений Варшавер и Екатерина Круглова предложили понятие «коалиционный клинч», которое описывает противостоящий исламскому традиционный порядок разрешения конфликтов (Варшавер, Круглова 2015). Исследователи проанализировали интервью

с агентами, вовлеченными в урегулирование конфликтов. В основном конкурирующие и «пересобирающиеся» группировки выполняют практически те же функции, что и исламское право (Там же, с. 96-101).

Казенин выявил условия применения неформальных правовых механизмов (Казенин 2016). Автор рассматривает особенности реституции в Пригородном районе Северной Осетии и в Новолакском районе Дагестана. Неформальные правовые механизмы работают в спорах между чеченцами или между ингушами. Но между чеченцами и дагестанцами (лакцами), ингушами и осетинами неформальные правовые способы решения споров не используются. Это происходит из-за отсутствия общих исламских авторитетов или старейшин. Неформальные правовые механизмы работают в этнически гомогенной среде (Там же, с. 147-152).

В диссертации Егора Лазарева исследуется, как вооруженный конфликт в Чечне повлиял на сосуществование официального права, шариата и традиционных норм (Lazarev 2018). Автор опирается на данные опроса, полуструктурированные интервью с представителями власти, религиозными и традиционными лидерами, а также на базу данных гражданских и уголовных дел, рассмотренных в официальных судах (Lazarev 2018, р. 3).

227

За последние десять с лишним лет было опубликовано относительно небольшое количество социально-правовых и эмпирических исследований правового плюрализма в России. Большинство из них выполнено К. Казениным и его коллегами. Авторы, как правило, опираются на полуструктурированные и экспертные интервью. В этой связи оценка полученных эмпирических данных в Северной Осетии и развитие теории Б. Таманаха должно способствовать изучению феномена правового плюрализма в отношении регионов Северного Кавказа. И это должно быть сделано не на примере отдельных конфликтов, а в комплексной взаимосвязи существующих институтов и «правовых» явлений.

Методы и результаты

Наше исследование построено на интервью, собранных в августе 2023 г. и в октябре 2024 г. в экспедициях в Республику Северная Осетия — Алания (г. Владикавказ, г. Беслан, с. Ногир, с. Михайловское, с. Фарн, с. Нар)¹.

1 Экспедиции были организованы в рамках проекта «Открываем Россию заново» (Студенческие экспедиции «Открываем Россию заново») // Выс-

Северная Осетия была выбрана как регион, интуитивно предполагающий взаимодействие различных нормативных систем. Это представление обусловлено несколькими причинами. Во-первых, Кавказ сам по себе имеет традиции, не связанные с официальным правовым регулированием (подробнее об этом см. предыдущий раздел). Во-вторых, в отличие от большинства других республик Северного Кавказа в Осетии ислам не является доминирующей религией, большая часть населения придерживается православия или традиционных верований, что также влечет за собой особенности во взаимодействии нормативных систем. В-третьих, Северная Осетия в последнее время переживает «туристический бум», что не всегда совместимо со сложившимися в Осетии традициями. В частности, на улице местные жители могут сделать замечание, если считают, что человек нарушает какие-либо традиционные правила (наличие шорт, длинные волосы у мужчин, курение девушек и т.п.). Данный феномен не распространен широко, однако в интервью отмечались такие случаи.

228

Но, когда просто человек стоит курит или просто идет там в шортах с какой-то прической, я вообще не понимаю, каким образом он мешает кому-то. Просто он идет, просто не ведет себя каким-то образом вызывающе. Для меня это странно. Я слышал о таком. Сейчас что-то мне слабо верится, что вот с таким потоком туристов и людей, которые из разных регионов страны приезжают по-разному, которые там выглядят и ведут себя тоже по-разному, чтобы вот эти люди, которые какое-то время назад этим занимались, действительно, может быть, с какой-то степенью эффективности это делали (юрист, м., г. Владикавказ).

Наконец, исследования свидетельствуют о наличии в Осетии специфических институтов, отражающих «неофициальные» представления осетин об общественной жизни (Штырков 2022; Туаллагов 2023; Туаллагов 2022; Канукова, Кулумбеков 2015; Дзанагова, Бетева, Хадиков 2018).

Всего было собрано 138 интервью (67 в августе 2023 г.; 71 в октябре 2024 г.), из них в исследовании мы использовали 50 (33 интервью, проведенных в августе 2023 г.; 17 — в октябре 2024 г.). Использовались два метода интервью: полуструктурированные интервью в соответствии с гайдом, разработанным в рамках «кабинетного» этапа ис-

шая школа экономики. URL: <https://foi.hse.ru/openrussia/> (дата обращения: 25.02.2025).

следования; интервью с экспертами (юристы, в том числе адвокаты, полицейские, журналисты, представители органов власти и т.д.).

Информанты рекрутировались на улице — для уличных интервью, а также методом «снежного кома» через «гейткиперов» в Республике Северная Осетия — Алания». Как правило, полуструктурированные интервью собирались в «поле»; экспертные интервью — через «гейткиперов». Тем не менее в некоторых исключительных случаях экспертные интервью проводились в «поле», если информант явно отвечал требованиям исследования и «шел на контакт», а информанты для полуструктурированных интервью отбирались через «гейткиперов».

При сборе уличных интервью учитывался территориальный фактор (в г. Владикавказ). Интервьюеры распределяли между собой зоны поиска информантов — «сторонки» — неформальное разделение г. Владикавказа на районы. Тем не менее в силу разного размера районов и количества людей, проживающих или пребывающих в них, большая часть интервью была взята в центральной сторонке.

Кроме того, фиксировался основной род деятельности интервьюируемых лиц. Также важно отметить, что подавляющее большинство опрошенных живет в Северной Осетии всю жизнь либо большую часть жизни (довольно часто встречалась ситуация, когда информант уезжал в крупные города, прежде всего — в Москву, но затем возвращался в Осетию).

Для анализа интервью на первом этапе была выбрана стратегия индуктивно-дедуктивного кодирования. С опорой на выделенные Брайаном Таманаха нормативные системы и их признаки были составлены первоначальные элементы: нормативные системы (концепты) и конституирующие их элементы (категории и коды). В процессе кодирования список категорий и кодов дополнялся (Приложение 3). Результаты этого круга кодирования были использованы для анализа элементов нормативных систем. На основе полученных кодов был проведен второй круг кодирования — открытое, которое позволило охарактеризовать соотношение нормативных систем.

Нормативные системы

Далее мы приведем описание уточненной схемы нормативных систем Брайана Таманаха с опорой на результаты кодирования интервью, собранных в августе 2023 и октябре 2024 г.

Для более четкого разграничения и уточнения сферы применения разных норм, мы предлагаем основным критерием различения между «обычной/культурной» и «общественной/культурной нормативными» системами сделать сферу их действия. Неспецифичные и распространенные в других частях России практики мы отно-

сили к обычной системе. При четком понимании исследователем или вербальном обозначении информантом сферы действия этих норм (во Владикавказе, в Осетии, «у нас у осетин», на Кавказе) мы обозначали этот элемент как относящийся к локальной нормативной системе.

В ходе анализа после первого этапа кодирования были выявлены следующие части нормативных систем для более продуктивного описания и анализа их соотношения: декларируемые нормы, источники норм, институты реализации норм и санкций, отношение к нормам и порядок их реализации в действительности. Список элементов системы не является закрытым. Выделенные части пересекаются между собой различными способами. Отдельные источники разных нормативных систем могут подкреплять одну норму, как и один институт реализации может воплощать в жизнь нормы из разных систем. Нормы приобретают значение и воплощаются в жизнь в зависимости от того, как к ним относятся участники социального взаимодействия. В некоторых ситуациях от установок человека зависит желание выбрать ту или иную нормативную систему.

230

Отдельные элементы содержатся во многих системах (нормы: запрет убивать людей, предписание уважать старших; институты реализации: реципрокность, остракизм). Взаимодействие между этими элементами или его отсутствие создает сложную сеть пересечений нормативных систем, как в следующей ситуации.

«Интервьюер: Это хадзар, да?

Информант: Тут и свадьбы проходят, и похороны все. Нам не надо там ресторан нанимать, палатку, ну, может, палатку надо. Вот крыша нам нужна была — нам помогла администрация, вот, видишь, новая, но сделали мы ее сами. Материал был, как-то так. В общем, стараемся сами» (*безработный, м., г. Владикавказ*).

В данном случае можно отметить пересечение официальной и локальной нормативных правовых систем. Государство предоставило ресурсы для починки крыши хадзара. Хадзары — важная часть культуры осетинского общества, но с точки зрения официально правовой системы это самовольные постройки.

Другим примером может служить общее отношение к праву (официальным институтам) в Северной Осетии:

«...с теми вызовами, с которыми человек сталкивался на протяжении там жизни, он так или иначе, с помощью вот этих выработанных правил, обычаев, традиций, он справлялся. Плохо, хорошо, так или иначе он справлялся. В какой-то момент у него начала появ-

латься вот эта вот альтернатива в виде российской правовой системы» (юрист, м., г. Владикавказ).

Законодательство и обращение к официальным правовым институтам в этом примере напрямую конкурируют с локальной нормативной системой.

Соотношение нормативных систем

Таманаха описывает варианты отношений между официальной правовой и другими нормативными системами: мирное сосуществование; стимулирование и поддержка других нормативных систем, несмотря на различия; включение в себя нормативных систем, признание и оказание им поддержки; отсутствие внимания к остальным системам, которое влечет за собой неудачу некоторых правовых инициатив; стремление подавить и уничтожить отдельные нормы и институты иных систем (Таманаха 2014, с. 176–179). При этом особый интерес представляет пересечение официального права с другими нормативными системами в обыденном знании — именно здесь формируется отношение к ним, которое определяет, какая из моделей взаимодействия (мирное сосуществование, запрет, поглощение, подавление и т.д.) будет реализована на практике.

231

Так, границы между нормативными системами в разных сферах могут быть двух видов: (1) строгие границы — четкое понимание, что в определенной ситуации применяется конкретная нормативная система; (2) нестрогие границы — возможность обратиться к двум или более нормативным системам.

Когда проблема может быть решена посредством разных нормативных систем, могут использоваться элементы нескольких таких систем. Наиболее ярким является пример института наследования в Северной Осетии. Частично сохранился минорат — традиция оставлять наследство младшему сыну. Родители помогают старшим сыновьям покупать и обустраивать отдельное жилье, забота о недвижимости дочерей ложится на плечи родителей их женихов. А младший сын остается жить с родителями, помогать им. В связи с этим дом, квартира и иногда иное имущество оставляется младшему.

«Младшему или мальчику. Вот у нас в семье четверо детей. <...> У меня вот, у нас есть сестры и брат. Дом большой, папа построил, все, там очень близко... Он достается сыну, потому что мама живет с сыном и с невесткой. То есть никто из нас троих на этот дом не претендует даже... Потому что он сын, он наследник, а мы, каждая, вышла замуж и у каждой своя семья» (помощница оценщика, ж., 60, г. Ардон).

Данная традиция скорее факультативна — все информанты знали о ней, но отмечали, что все сильно зависит от ситуации в семье, потребностей детей в жилье, и строго этой норме не следуют.

«У меня, например, в семье. У моих бабушки и дедушки было четыре ребенка: две дочери и два сына. Соответственно, два наследника: старший и младший. Мой отец — младший. И мой отец уехал в Москву, и вот даже обговорили момент, что вот это, по идее, его дом, моего отца. Но вот так как он уехал в Москву и купил там свою квартиру, они решили отдать ему просто часть денег какую-то, ну как поддержка какая-то, и договорились, что дом перейдет старшему сыну. Договаривались просто на словах. Но потом, вот недавно старший сын, мой дядя, соответственно, умер и дом достался моему отцу, хотя вот, по сути, они договорились. Дом у отца есть в Москве, он не нуждается в доме, но так как он младший и единственный сын получается, ему достался дом просто» (*журналистка, ж., 32, г. Владикавказ*).

232

Кроме обычной и локальной, в таких случаях важную роль играет официальная правовая система. Когда наследство оставляют младшему сыну или делят его другим образом, по словам информантов, часто составляют завещание. Другой взгляд озвучил информант — арбитражный управляющий. По его словам, завещание не играет большой роли. В судах по вопросам наследования (независимо от наличия завещания) к нормам обычной и локальной систем присоединяются институты реализации официальной правовой (завещание, судебное разбирательство) и локальной («фамильные какие-то вещи») норм.

«Вы знаете, если не составлено завещание, в Осетии принято передавать наследство сыну. Ну последнее время, мы ж цивилизные люди, все уже составляют завещание, достигнув определенного возраста, даже если не болеют, на всякий случай указывают, кому, чему и как будет принадлежать. И споров, как правило, не бывает. Как правило. По наследованию» (*сотрудница бюджетного медицинского учреждения, г. Владикавказ*).

«Информант: Завещание не оставляют. Беда, я считаю, не знаю, как у других регионов, возможно, тоже, но у нашего народа беда, что они все свои проблемы предпочитают оставлять своим наследникам. То есть думают, вот помру и там разберутся. Большинство споров как раз отсюда. Наследство — это [неразборчиво], когда человек оставляет наследство и снимает все вопросы. А когда этого нет, потом начинается вся эта грязь на судах, и никакие обычаи... там уже чихать все хотели, когда доходит до имущества.

Интервьюер: И прям вот в серьезный конфликт выливается, да?

Информант: Ну, знаете, я много лет до ковида в судебной коллегии тогда заседал Верховного суда. Все вместе собирали залы. Ты сидел и все это слушал. Я насмотрелся этих наследственных разделов так, поэтому я за наследство, чтобы этого всего избежать. Ну, возможно, что да, где-то вот сдерживает еще этот фактор, есть что-то, ну, что скажут, там, фамильные какие-то вещи, то есть, ну, все равно» (*арбитражный управляющий, м., 53, г. Владикавказ*).

В примере с наследством институт реализации норм одной нормативной системы воплощает в жизнь нормы другой. Здесь нормы о наследовании не вступают в конфронтацию с имеющимися культурными традициями и обычными представлениями о справедливом распределении. Возможна и противоположная ситуация, где институты одной системы оказывают поддержку другой, нормы которой напрямую противоречат первой. К примеру, администрация покупает и передает материал для постройки крыши хадзара. С точки зрения официальной правовой системы такие строения являются самовольной постройкой. Но в то же время хадзар — значимая часть городской культуры и социальной инфраструктуры в Северной Осетии.

233

Возможна прямая конкуренция разных институтов реализации норм. Например, учреждения судебно-медицинской экспертизы забирают тело умершего на несколько дней на освидетельствование. Согласно исламским традициям, важно похоронить человека в день человека смерти или на следующий. Согласно информанту, родственники некоторых покойных «донимают» учреждение настолько, что сотрудниками был установлен забор, чтобы затруднить им несанкционированный доступ в здание.

Строгие границы между нормативными системами устанавливаются там, где имеется точное понимание, что должны использоваться исключительно нормы (или институт их реализации) конкретной системы. К примеру, изначально избежав норм официальной правовой системы, бизнесмену не удастся прибегнуть к институтам государственно-правовой защиты обязательств. Если человек инвестировал средства в предприятие без какого-либо юридического оформления, то в спорной ситуации он уже не сможет обратиться в суд:

«И я думаю, что он не видит решения через суд, потому что бизнес есть вот такой. На тетрадке. Ну, они продают кирпичи, но... Те деньги, которые он вложил в этот бизнес, допустим, они нигде не учтены, в расписках ничего нет... то есть его так юридически не получится. Ну, они как друзья, да?» (*ювелир, м., г. Владикавказ*).

В некоторых ситуациях, особенно когда в конфликт вовлечены родственники и друзья, обращение в полицию или иные официальные институты представляется неправильным с точки зрения обычной нормативной системы. В этом случае могут обратиться к старшим или религиозным авторитетам. И только когда слово старшего уже не помогает, могут прибегнуть к помощи юриста.

«...ко мне же обращаются, когда уже это не работает, то есть уже там... Играет роль закон» (*бариста, в прошлом — помощник юриста, м., г. Владикавказ*).

Социальные акторы переносят нормы из одной системы в другую, меняют границы между ними. Например, появление обязательной маркировки и государственной информационной системы в ювелирном деле сильно увеличило временные издержки.

«Ну, по сути, многие ювелиры теперь закрыли документы и работают в серую. Да. Вообще, кто привозил контрабанду, они так и привозят, так и продают. Те, кто... Допустим, пытался работать в белую, многие закрылись. Много предприятий закрылось» (*ювелир, м., г. Владикавказ*).

Когда неформальные экономические правила столкнулись с изменившимися государственными нормами, ювелиры не приняли новые обязанности и в то же время перестали выполнять старые.

Среди нормативных систем, предложенных Таманаха, особенно выделяются функциональные системы. Они создаются для выполнения некоммерческой цели, но могут также иметь отдельные коммерческие подцели. Важное их свойство — определенный уровень автономии в самоуправлении (Таманаха 2014, с. 170). В нашем исследовании встретились несколько организаций, которые обладают этими признаками. Первая группа — это объединения политически активных и уважаемых представителей сообщества. Их цели носят политический характер, и важное место отводится усилиям по поддержанию традиций. Прообразом для них служит ныхас — собрание взрослых мужчин, где решались вопросы осетинского селения. Вторая группа — волонтерские и некоммерческие объединения, основная цель которых — помощь социально незащищенным жителям и поддержание традиций. Третий и отдельный вид — это объединения родственников — фамилии¹. В качестве цели в этом примере

1 По словам информантов, в Осетии нет однофамильцев. Все люди с одной и той же осетинской фамилией считаются родственниками.

можно выделить взаимопомощь. Здесь четко видна автономия и саморегулирование. Родственники одной фамилии не только собираются вместе на праздники, похороны и поминки и состоят в больших чатах. В отдельных фамилиях выбираются (или иным способом назначаются) старшие, которые помогают решить конфликтные ситуации, выступают в них посредниками и следят за соблюдением традиций младшими членами семьи. В этих примерах функциональные нормативные системы заимствуют разные элементы из других систем.

«Конкретно каждый старший фамилии отвечает за то, чтобы не было провинностей среди молодежи, внутри фамилии. И если возникает какая-то конфликтная ситуация, то старшие фамилии в первую очередь прилагают все усилия, чтобы помирить. Дальше. Если есть бедные внутри этой фамилии — фамилия сама собирает средства и оказывает помощь. И практически каждый год, каждая фамилия проводит, их у нас называют «ковды» (кувды)... И это не только прийти покушать и уйти. Они здесь обсуждают проблемы, которые есть внутри фамилии. Кому надо помочь? Что нужно сделать? Просто пир — приятное с полезным. Они потанцевали, пообщались, познакомились и решили проблемы. Какие-то фамилии, они создают семейные древа, выпускают учебники, собирают средства, оказывают помощь» (*госслужащий, м., с. Ногир*).

235

Таманаха выделяет пять моделей взаимодействия нормативных систем с официально-правовыми (мирное сосуществование/поддержка/поглощение/игнорирование/подавление). Наши данные показывают, что для рядового жителя Северной Осетии они реализуются не как альтернативы, а как совмещенные стратегии. Где Таманаха видит четкие категории, мы наблюдаем синтез: официальное право включает обычные институты (завещание узаконивает минорат, администрация помогает с ремонтом крыши хадзара), но одновременно подавляет их, когда конфликтует с публичным порядком (в суде оспариваются завещания, запрещается кровная месть).

Заключение

Современные исследования правового плюрализма во многом остаются сфокусированными на критике юридического монизма (централизма). При этом центральным остается вопрос о понимании природы права, определении правового и неправового. Предложенное Брайаном Таманаха деление нормативных систем позволяет, избежав философско-правовых споров о природе права, проводить эмпирические социолого-правовые исследования и наряду с офи-

циальным правом выделить иные регуляторы, имеющие значение для создания правил внутри сообществ и разрешения конфликтов. Тем не менее эмпирические исследования, проведенные в Северной Осетии, продемонстрировали необходимость расширения предложенной теоретической рамки. Прежде всего, возникают вопросы в отношении границ пересечения нормативных систем и механизмов их взаимодействия. Зачастую системы четко не разграничены, пересекаются между собой и, соответственно, механизмы социального контроля действуют взаимосвязанно.

На материалах исследования нами были уточнены схемы нормативных систем Брайана Таманаха с учетом специфики Республики Северная Осетия — Алания. Нормативные системы состоят из ряда элементов: декларируемые нормы, их источники, институты реализации норм, отношение к ним и порядок их реализации на практике. Некоторые элементы существуют сразу в нескольких системах, взаимодействуют между собой, что создает сложную сеть пересечений нормативных систем.

236

Границы между нормативными системами бывают строгими и нестрогими. В первом случае у человека присутствует точное понимание, что в определенной ситуации применяется конкретная нормативная система и никакая другая. Если границы нестрогие, есть возможность прибегнуть к двум или более нормативным системам. При этом даже строгие границы между нормативными системами динамичны и могут меняться со временем и в зависимости от субъекта их применения.

В местах пересечений или строгих границ между нормативными системами существуют разные варианты их сосуществования. Институт реализации норм одной нормативной системы может воплощать в жизнь нормы другой. Это может происходить даже тогда, когда нормы одной системы напрямую противоречат нормам второй. Или, напротив, институты разных нормативных систем могут конкурировать между собой в стремлении реализовать нормы своей системы (например, когда в суде сталкиваются две позиции — разделение наследства по закону или согласно местным традициям).

Наш анализ уточняет концепцию правового плюрализма Б. Таманаха, позволяя учесть практическую сложность деления социальной реальности на шесть нормативных систем и возможность людей параллельно или последовательно обращаться к одной из этих систем.

Список источников / References

Варшавер Е., Круглова Е. (2015) «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане. *Экономиче-*

ская политика, 10(3), с. 89–112. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-3-05>

— Varshaver E., Kruglova E. (2015) The “Coalition Clinch” Against the Islamic Order: the Dynamics of the Dispute Resolution Institutions Market in Dagestan. *Economic Policy*, 10(3), pp. 89–112. (in Russ.) <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-3-05>

Галантер М. (2014) Правосудие в разных залах: суды, частное правовое регулирование и неформальное правосудие (с. 391–423). В Панеях Э. Л. (ред.), *Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов*. Статут.

— Galanter M. (2014) Justice in Many Rooms: Courts, Private Ordering, and Indigenous Law (pp. 391–423). In Paneyakh E. L. (Ed.), *Law and law enforcement in the mirror of social sciences: The handbook of recent texts*. Statut. (in Russ.)

Дзанагова М. К., Бетеева М. М., Хадиков А. К. (2018) Функции и роль Ныхаса в осетинском обществе. *Аграрное и земельное право*, (2), с. 85–88.

— Dzanagova M. K., Beteeva M. M., Khadikov A. K. (2018) Functions and Role of Nykhas in Ossetian Society. *Agrarian and Land Law*, (2), pp. 85–88. (in Russ.)

Казенин К. (2017) Исламское право в ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 35(3), с. 234–264. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-234-264>

— Kazenin, K. (2017) Islamic Law in A Situation of Competition of Legal Systems: the Case of the North Caucasus. *State, Religion, and the Church in Russia and Abroad*, 35(3), pp. 234–264. (in Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-234-264>

Казенин К. (2014) Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма (на примере Северного Кавказа). *Экономическая политика*, 9(3), с. 178–198.

— Kazenin K. (2014) Prospects of an Institutional Approach to the Phenomenon of Polyjuridism (On The Example Of The North Caucasus). *Economic Policy*, 9(3), pp. 178–198. (in Russ.)

Казенин К. И. (2016) Урегулирование конфликтов на Северном Кавказе: роль неформальных правовых механизмов. *Общественные науки и современность*, (2), с. 144–154.

— Kazenin K. I. (2016) Conflict Resolution in the North Caucasus: the Role of Informal Legal Mechanisms. *Social Sciences and Modernity*, (2), pp. 144–154. (in Russ.)

Канукова З. В., Кулумбеков Р. П. (2015) Осетинский хæдзар как модель воспроизводства и функционирования традиции в современном обществе. *Известия СОИГСИ*, 16(55), с. 65–72.

— Kanukova Z. V., Kulumbekov R. P. (2015) Ossetian Khaedzar as a Model of Reproduction and Functioning of Traditions in Modern Society. *Izvestiya SOIGSI*, 16(55), pp. 65–72. (in Russ.)

Малиновский Б. (2015) Преступление и обычай в обществе дикарей (с. 209–282). В Малиновский Б. *Избранное: Динамика культуры*. Центр гуманитарных инициатив.

— Malinowski B. (2015) Crime and Custom in Savage Society (pp. 209–282). In Malinowski, B. *Selected works: Dynamics of culture*. Centre for Humanitarian Initiatives. (in Russ.)

Стародубровская И. В., Казенин К. И. (2014) Северокавказские города: территория конфликтов. *Общественные науки и современность*, (6), с. 70–82.

— Starodubrovskaya I. V., Kazenin K. I. (2014) North Caucasian Cities: the Territory of Conflicts. *Social Sciences and Modernity*, (6), pp. 70–82. (in Russ.)

Таманаха Б. З. (2014) Понимание правового плюрализма: от прошлого к настоящему, от локального к глобальному (с. 145–184). В Панеях Э. Л. (ред.), *Право и право-применение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов*. Статут.

— Tamanaha B. Z. (2014) Understanding Legal Pluralism: Past to Present, Local to Global (pp. 145–184). In Paneyakh E. L. (Ed.), *Law and law enforcement in the mirror of social sciences: The handbook of recent texts*. Statut. (in Russ.)

Туаллагов А. А. (2022) К истории ныхаса. *Вестник Владикавказского научного центра*, 22(1), с. 14–16. <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.98.11.001>

— Tuallagov A. A. (2022) To the History of Nykhas. *Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre*, 22(1), pp. 14–16. (in Russ.) <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.98.11.001>

Туаллагов А. А. (2023) К истории ныхаса (II). *Вестник Владикавказского научного центра*, 23(1), с. 20–23. <https://doi.org/10.46698/VNC.2023.33.84.001>

— Tuallagov A. A. (2023) To the History of Nykhas (II). *Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre*, 23(1), pp. 20–23. (in Russ.) <https://doi.org/10.46698/VNC.2023.33.84.001>

Четвернин В. А. (2020) *Проблемы теории права* [Электронный ресурс]. Лаборатория теоретических исследований права и государства. НИУ ВШЭ. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2020/03/24/1567458184/%D0%A7%D0%B5%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BD%20%D0%92.%D0%90.%20%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения: 07.12.2025).

— Chetvernin V. A. (2020) *Problems of the Theory of Law* [Electronic resource]. Laboratory of Theoretical Studies of Law and State. (in Russ.)

Штырков С. А. (2022) Ирон хадзар как элемент социальной инфраструктуры. *Антропологический форум*, (55), с. 195–220. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-55-195-220>

— Shtyrkov S. A. (2022) The Iron Khadzar as an Element of Social Infrastructure in a Modern North Ossetian City. *Anthropological Forum*, (55), pp. 195–220. (in Russ.) <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-55-195-220>

Эрлих О. (2024) *Основоположение социологии права*. Алеф-Пресс.

— Ehrlich E. (2024) *Fundamental Principles of the Sociology of Law*. Alef-Press. (in Russ.)

Bentsi-Enchill K. (1969) The Colonial Heritage of Legal Pluralism. *Zambia Law Journal*, 1(2), pp. 1–30.

van den Bergh G. C. J. J. (1969) Legal Pluralism in Roman Law. *Irish Jurist*, 4(2), pp. 338–350.

- Chua L. J., Engel D. M. (2019) *Legal Consciousness Reconsidered. Annual Review of Law and Social Science*, 15, pp. 335–353. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-101518-042717>
- Gluckman M. (1967) *The Judicial Process among the Barotse of Northern Rhodesia*. Manchester University Press.
- Griffiths J. (1986) What is Legal Pluralism? *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*, 18(24), pp. 1–55. <https://doi.org/10.1080/07329113.1986.10756387>
- Griffiths J. (2006) The Idea of Sociology of Law and its Relation to Law and to Sociology (pp. 49–68). In Freeman M. (Ed.), *Law and sociology*. Oxford University Press.
- Hoebel E. A. (1954) *The Law of Primitive Man: a Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/9780674038707>.
- Hooker M. B. (1975) *Legal Pluralism: An Introduction to Colonial and Neo-Colonial Laws*. Clarendon Press. <https://doi.org/10.5771/0506-7286-1976-3-400>
- Lazarev E. (2018) *Laws in Conflict: Legacies of War and Legal Pluralism in Chechnya*. Columbia University.
- Lazarev E. (2023) *State-building as Lawfare: Custom, Sharia, and State law in Postwar Chechnya*. Cambridge University Press.
- Merry S. E. (1986) Everyday Understandings of the Law in Working-Class America. *American Ethnologist*, 13(2), pp. 253–270.
- Merry S. E. (1988) Legal Pluralism. *Law & Society Review*, 22(5), pp. 869–896.
- Moore S. F. (1973) Law and Social Change: the Semi-Autonomous Social Field as an Appropriate Subject of Study. *Law and Society Review*, 7(4), pp. 719–746. <https://dx.doi.org/10.25148/lawrev.10.1.5>
- Moore S. F. (2014) Legal Pluralism as Omnium Gatherum. *FIU Law Review*, 10(1), pp. 5–18.
- Pospisil L. (1967) *Legal Levels and Multiplicity of Legal Systems in Human Societies*.
- Romano S. (2018). *The Legal Order*. Routledge.
- Smith M. G. (1966). A Structural Approach to Comparative Politics (pp. 113–128). In Easton D. (Ed.), *Varieties of Political Theory*. Prentice-Hall.
- Tamanaha B. Z. (2021). *Legal Pluralism Explained: History, Theory, Consequences*. Oxford University Press.
- Tamanaha B. Z. (2024). Ubiquity of Legal Pluralism and its Consequences. *Victoria University of Wellington Law Review*, 54(4), pp. 895–918.

Приложение 1

Сведения об интервью, используемых в исследовании (август 2023 г.)¹

240

Возраст	Пол	Род деятельности
14	М	Школьник
15	М	Школьник
20+	Ж	Студент
23	Ж	Студент
24	Ж	Бариста, студент
25	М	Школьный учитель, подрабатывает в такси
29	М	Депутат
30	Ж	Индивидуальный предприниматель
30-40	М	Безработный
35	Ж	Изготавливает украшения, сережки
40-50	М	-
47-50	М	Гид
48-52	Ж	Безработный
49	Ж	Швея
49	М	Кузнец
50	М	-
50	Ж	Продавщица в магазине
50-55	Ж	-

1 Некоторые информанты попросили не указывать возраст или род деятельности.

50–55	Ж	-	
60–70	М	Пенсионер	
60–70	Ж	Пенсионер	
65	М	Пенсионер	
75	М	Пенсионер (в прошлом заместитель директора магазина)	
-	Ж	Заведующая бюро судебно-медицинской экспертизы	
-	М	Профессор	
-	М	Пенсионер	
Нет данных о возрасте и профессии:		9	241
из них мужчин:		5	
из них женщин:		4	

Приложение 2

Сведения об интервью, используемых в исследовании (октябрь 2024 г.)¹

Возраст	Пол	Род деятельности
18	М	Студент, подработки (прокат в парке)
19	М	Студент
Около 20	М	Бариста (раньше работал помощником юриста)
26	Ж	Безработный

1 Некоторые информанты попросили не указывать возраст или род деятельности.

242

29	М	Управляющий
Около 30	М	Повар
40-50	М	Ювелир
47	Ж	Продавец на стройрынке
50	М	Чиновник
53	М	Арбитражный управляющий
60	Ж	Помощник оценщика
80	Ж	Пенсионер
-	Ж	Безработный
-	Ж	Нотариус
-	М	Юрист
-	М	Студент
-	Ж	-

Приложение 3

Кодировочная таблица

Концепт	Категория	Код
Официальные правовые системы	1. Опора на позитивное право	1.1. Ссылка на официальное законодательство или абстрактные законы
	2. Реализация через институты государственной власти	1.2. Обоснование общепринятостью
		1.3. Отношение к праву
		1.4. Нарушение норм позитивного права
		2.1. Упоминание конкретных институтов государственной власти (полиция, суд, администрация и т.д.)
		2.2. Описание реализации юридических процедур на практике
		2.3. Обоснование общепринятостью

Обычные нормативные системы	1. Опора на общие социальные правила 2. Реализация через социальные институты	1. Неспецифичные применимые в разных сообществах нормы поведения 2. Неспецифичные универсальные механизмы (реципрокность, остракизм, органы разрешения споров племенных лидеров)
Религиозные нормативные системы	1. Ориентир на религиозные источники 2. Реализация при поддержке формальных религиозных институтов и неформальных механизмов 3. Указание на религиозные традиции	1.1. Фиксируются в сакральных письменных текстах (Библия, Коран, Тора и т.д.), комментариях к ним 1.2. Формулируются религиозными авторитетами (раввины, имамы) 2.1. Реализация через устоявшиеся официальные религиозные институты (шариатский суд, церковный суд) 2.2. Реализация через неформальные механизмы 3.1. Сформировано представление о сохранившихся с ранних времен обычаях 3.2. Обоснование общепринятостью 3.3. Регламентация традиции 3.4. Отсутствие влияния 3.5. Отношение к традиции
Экономические нормативные системы	1. Опора на нормы рыночных отношений 2. Реализация через институты капиталистического производства	1.1. Формальные нормы (контрактные нормы, корпоративная этика, транснациональные коммерческие правила, рыночные кооперативы) 1.2. Неформальные правила (принцип взаимности, неформальные соглашения) 2. Обращение к институтам, созданным для регулирования рыночных отношений (арбитраж)
Функциональные нормативные системы	1. Обусловленность главной некоммерческой целью 2. Автономия и самоуправление 3. Взаимодействие с официальными правовыми системами	1. Наличие некоммерческой функции (образование, лечение, просвещение, общение) 2.1. Обладают определенной свободой в достижении своей цели 2.2. Обладают регулятивными возможностями для внутреннего упорядочивания 3. Наличие «точек пересечения» с официальными правовыми системами

Локальные нормативные системы	1. Идентификация группы по признаку общего образа жизни	1.1. Обусловленность общей географией или пространством
	2. Культурные нормы	2.1. Регламентация традиции
		2.2. Формальная фиксация
		2.3. Наличие «точек пересечения» с официальными правовыми системами
		2.4. Действия по поддержанию традиции
		2.5. Сформировано представление о сохранившихся с ранних времен обычаев

Приложение 2

Сведения об интервью, используемых в исследовании (октябрь 2024 г.)¹

Возраст	Пол	Род деятельности
18	М	Студент, подработки (прокат в парке)
19	М	Студент
Около 20	М	Бариста (раньше работал помощником юриста)
26	Ж	Безработный
29	М	Управляющий
Около 30	М	Повар
40–50	М	Ювелир
47	Ж	Продавец на стройрынке
50	М	Чиновник
53	М	Арбитражный управляющий
60	Ж	Помощник оценщика
80	Ж	Пенсионер

1 Некоторые информанты попросили не указывать возраст или род деятельности.

-	Ж	Безработный
-	Ж	Нотариус
-	М	Юрист
-	М	Студент
-	Ж	-

Приложение 3

Кодировочная таблица

Концепт	Категория	Код
Официальные правовые системы	1. Опора на позитивное право	1.1. Ссылка на официальное законодательство или абстрактные законы
	2. Реализация через институты государственной власти	1.2. Обоснование общепринятостью
		1.3. Отношение к праву
		1.4. Нарушение норм позитивного права
		2.1. Упоминание конкретных институтов государственной власти (полиция, суд, администрация и т.д.)
		2.2. Описание реализации юридических процедур на практике
		2.3. Обоснование общепринятостью
Обычные нормативные системы	1. Опора на общие социальные правила	1. Неспецифичные применимые в разных сообществах нормы поведения
	2. Реализация через социальные институты	2. Неспецифичные универсальные механизмы (реципрокность, ostracism, органы разрешения споров племенных лидеров)

Религиозные нормативные системы	1. Ориентир на религиозные источники 2. Реализация при поддержке формальных религиозных институтов и неформальных механизмов 3. Указание на религиозные традиции	1.1. Фиксируются в сакральных письменных текстах (Библия, Коран, Тора и т.д.), комментариях к ним 1.2. Формулируются религиозными авторитетами (раввины, имамы) 2.1. Реализация через устоявшиеся официальные религиозные институты (шариатский суд, церковный суд) 2.2. Реализация через неформальные механизмы 3.1. Сформировано представление о сохранившихся с ранних времен обычаях 3.2. Обоснование общепринятостью 3.3. Регламентация традиции 3.4. Отсутствие влияния 3.5. Отношение к традиции
Экономические нормативные системы	1. Опора на нормы рыночных отношений 2. Реализация через институты капиталистического производства	1.1. Формальные нормы (контрактные нормы, корпоративная этика, транснациональные коммерческие правила, рыночные кооперативы) 1.2. Неформальные правила (принцип взаимности, неформальные соглашения) 2. Обращение к институтам, созданным для регулирования рыночных отношений (арбитраж)
Функциональные нормативные системы	1. Обусловленность главной некоммерческой целью 2. Автономия и самоуправление 3. Взаимодействие с официальными правовыми системами	1. Наличие некоммерческой функции (образование, лечение, просвещение, общение) 2.1. Обладают определенной свободой в достижении своей цели 2.2. Обладают регулятивными возможностями для внутреннего упорядочивания 3. Наличие «точек пересечения» с официальными правовыми системами

Локальные нормативные системы	1. Идентификация группы по при- знаку общего образа жизни	1.1. Обусловленность общей геогра- фией или пространством
	2. Культурные нормы	2.1. Регламентация традиции
		2.2. Формальная фиксация
		2.3. Наличие «точек пересечения» с официальными правовыми системами
		2.4. Действия по поддержанию традиции
		2.5. Сформировано представление о сохранившихся с ранних времен обычаев

Об авторах / About the authors

Осипова Полина Максимовна — младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории исследований спорта НИУ ВШЭ, Москва. Научные интересы: обыденное знание о праве, мобилизация права, социология спорта.

<https://orcid.org/0009-0004-9148-422X>. E-mail: os.pol.max@gmail.com

247

Polina M. Osipova — Junior Researcher Fellow at the HSE Sports Research Laboratory, Moscow. Research interests: common knowledge of law, law mobilization, sociology of sports.

<https://orcid.org/0009-0004-9148-422X>. E-mail: os.pol.max@gmail.com

Чураков Владимир Дмитриевич — к.ю.н., научный сотрудник Института исследований национального и сравнительного права Факультета права НИУ ВШЭ. Научные интересы: экономический анализ права, эффективность правового регулирования, регуляторная политика, социология права.

<https://orcid.org/0000-0002-1351-1083>. E-mail: vchurakov@hse.ru

Vladimir D. Churakov — Candidate of Sciences (PhD) in Law, Research Fellow at Institute of National and Comparative Legal Studies, HSE Faculty of Law. Research interests: Law&Economics, efficiency of legal regulation, regulatory politics, sociology of law.

<https://orcid.org/0000-0002-1351-1083>. E-mail: vchurakov@hse.ru

Виноградов Сергей Валерьевич — преподаватель Департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права НИУ ВШЭ, стажёр-исследователь Лаборатории комплексных междисциплинарных проектов Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Научные интересы: история политико-пра-

новой мысли XX века, аналитическая философия права, современные теории справедливости.

<https://orcid.org/0000-0001-8621-3637>. E-mail: svinogradov@hse.ru

Sergey V. Vinogradov — Lecturer at the School of Theory of Law and Comparative Law, HSE Faculty of Law; Research Assistant at HSE Laboratory for Comprehensive Interdisciplinary Projects of Centre for Basic Research HSE University. Research interests: history of 20th century political and legal thought, analytical philosophy of law, contemporary theories of justice.

<https://orcid.org/0000-0001-8621-3637>. E-mail: svinogradov@hse.ru

Пырсиков Олег Дмитриевич — студент магистратуры «Политика. Экономика. Философия» факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: политическая философия, объективизм, правовой плюрализм.

E-mail: odpyrsikov@edu.hse.ru

Oleg D. Pyrsikov — master's student "Politics. Economy. Philosophy" Faculty of Social Sciences National Research University Higher School of Economics. Research interests: political philosophy, objectivism, legal pluralism.

E-mail: odpyrsikov@edu.hse.ru